

Кристофер Хитченс

Александр ЛИНКЛЕЙТЕР

От агитатора-левака образца 1968 года к активному стороннику Джорджа Буша и войны в Ираке — чем объясняется такой политический поворот Кристофера Хитченса? Пытаясь понять это, Александр Линклейтер провел с Хитченсом в Вашингтоне три дня.

На протяжении почти всей сорокалетней карьеры Кристофер Хитченс был известен по большей части среди журналистов, пишущих «о высоком», а также в литературных и политических кругах. В последние пятнадцать лет его имя примелькалось читателям Vanity Fair и Atlantic, а внешний облик — зрителям американских политических телешоу, на которые его приглашали ради того, чтобы он в отточенных и стильных фразах высказывал совершенно возмутительные вещи. Склонность к иконоборческому позерству лишь укрепила его реноме «интеллектуальной ударной силы левых». Но потом он взялся поддерживать вторжение в Афганистан и Ирак и переизбрание в 2004 году Джорджа У. Буша, и объектом его полемических нападок стали уже сами левые. Но чью бы сторону он ни принимал, его выступления перед аудиторией экспертов всегда носили характер «особого мнения». Потому и интерес к нему был сугубо фракционным, пока сам Господь Бог не сподобился предоставить ему тему для настоящего бестселлера. Хитченс — автор шестнадцати книг, среди которых труды о Генри Киссинджере, Билле Клинтоне, коллекции античных скульптур лорда Элджина, Джордже Оруэлле, Томасе Пейне и То-

масе Джефферсоне, но лишь нападки на религию в книге «Бог — не велик» впервые побудили издателя организовать для него серьезный рекламный тур по США.

Теперь, благодаря прозелитскому атеизму, имя его наконец-то сделалось общеизвестным. Но каким же образом этот харизматический наглец, классический британец «из верхнего среднего класса», ухитряется привлекать и одновременно отпугивать столь многих? Есть нечто в том, как он сочетает бьющий на дешевый эффект, старомодный интеллектуальный балаган со вкусом к хорошей, крепкой истории. Нынешняя битва с верой — самая крупная в его карьере, но эта война началась давно, с первых юношеских споров, и вести ее он будет до самых своих последних дней.

Впервые я побывал у Кристофера Хитченса в Вашингтоне тринадцать лет назад, и с тех пор — удивительное дело — в его квартире совершенно ничего не изменилось. Портреты его самого и его жены, сценаристки Кэрол Блю, так никто вставить в рамы и не удосужился. На стенах вообще почти никаких картин, нигде никаких сувениров из многочисленных путешествий — только книжные полки в огромной гостиной, скромная кухонька да ниша с баром. И дело тут не в эстетике минимализма, просто ничто не должно отвлекать от главного — чтения, разговоров, питья, веселья, споров, писательства.

Опубликовано в журнале Prospect, май 2008 года.

Время – три часа ночи, на столе полупустая бутылка виски, а Хитченс ударился в воспоминания. Моей задачей было пройти тем путем, каким прошел он сам – от левой идеологии и содроганий 1968 года через инверсии года 1989 к моральным вывертам иракской войны. Но в ходе разговора Хитченс завлек меня в одну из своих старых надежных цитаделей – противостояние между королем и парламентом во времена английской гражданской войны XVII века.

Для Хитченса кромвелевский бунт – не просто яростная борьба за парламентское правление, но великое отрицание божественного права.

В книге «Бог – не велик» он объявляет себя «атеистом от протестантства». Он говорит, что литургии «Библии короля Якова» и молитвенник Гранмера навязывают поэтику, которую трудно не принять, и систему верований, которую надлежит отвергнуть. Он выдергивает из литературного церковного канона мирской вокабулярий и отрывает от него религиозные корни. Но он отнюдь не оптимистичный реалист образца эпохи Просвещения. Его чувства схожи с разочарованием Томаса Пейна во французском терроре, со знаменитым предостережением, сделанным Розой Люксембург Ленину по поводу «безжалостности единоличного правления». Однако со времен марксистской юности он хранит и свой интеллектуальный абсолютизм, и презрение к либеральным дилеммам и альтернативам – отсюда яростные нападки на изысканный либерализм Исаяи Берлина в эссе 1998 года. Отсюда же – скрытое насилие в его аргументах и неспособность к сопереживанию. Его, например, совершенно не интересует, какие чувства испытывают истинно верующие, какое значение имеет религия для миллионов людей – при том что, в отличие от соратника по антирелигиозности Ричарда Докинса, Хитченс признает, что религиозное чувство неискоренимо.

Как это бывает со всеми полемистами, аргументы «за» или «против» какого-либо вопроса превращаются в аргументы «за» или «против» него самого. Отправной точкой для него всегда является конфронтация, в процессе полемики он преодолевает противоречие, чтобы в конце представить неос-

поримый факт. Эта сверхъестественная способность всегда быть уверенным в собственной правоте, которую он с легкостью и элегантностью демонстрирует во всех своих писаниях, превратила его в самого искрометного и волнующего из британских журналистов поколения 1968 года.

Он часто говорил, что первоначальным импульсом, подтолкнувшим его к троцкизму образца 1960-х, было не сочувствие к угнетенным, а скорее отвращение к угнетателям. Земные заботы социализма – перераспределение, налоги, социальное обеспечение и тому подобное – никогда его особо не вдохновляли. Свои актерско-авторские таланты Хитченс демонстрировал в спорах на общие темы – о свободе и прогрессе.

После 9 сентября, когда Хитченс поддержал вторжение в Ирак, многие старые друзья сами превратились в его противников. Александр Кокберн, когда-то работавший вместе с ним в журнале Nation, назвал Хитченса «лживым, своекорыстным, толстозадым, прокуренным, пропитым, беспринципным, циничным упрямым». Некоторые из его бывших друзей вообще отказались говорить со мной о нем. Робин Блэкберн, крупная фигура среди британских крайних левых последних сорока лет, отказался скорее с сожалением, чем с гневом, – в нынешней позиции Хитченса он угадал нечто болезненное: «Надеюсь, он скоро поправится».

Мнения о Хитченсе в либеральных средствах массовой информации и в академических кругах можно подразделить на четыре категории: политически он – битая карта (хотя как литературный критик по-прежнему великолепен); он прельстился шансом на волне вторжения в Ирак прильнуть к реальной власти; перейдя от левых к правым, он повторил поступок Пола Джонсона* (как нечто характерное для кризиса среднего возраста); он всего лишь тщеславный болтун, которому нравится спор ради спора, а пи-

* Пол Джонсон – британский журналист, на ранних этапах своей карьеры исповедовавший левые взгляды, а ныне ставший выдающимся консервативным историком.

кируясь с бывшими соратниками, он завоевывает более широкую аудиторию. Но есть и более сочувственные интерпретации: неоконсервативные внешнеполитические идеи сближаются-де с запоздалым цветением его левацкого интернационализма.

Но все его превращения – это скорее маневры фракционного сознания. В 2003 году Стефан Коллини опубликовал в London Review of Books довольно нелестную статью о Хитченсе, озаглавленную «Чушь на тему “Перестаньте молоть чушь”», в которой, пожалуй, наиболее близко подошел к сути: «Читая Хитченса, понимаешь... как важно для него доказать, что он прав и всегда был прав: прав в выборе стороны, прав в том, что стороны существуют и что непременно надо встать на одну из них; прав в видении того, куда движется мир... Прав всегда, в то время как многие другие, в особенности те, к кому относятся с уважением, те, с чьим мнением считаются, совершенно очевидно не правы».

...сверхъестественная способность всегда быть уверенным в собственной правоте превратила его в самого искрометного и волнующего из британских журналистов поколения 1968 года

Книги Хитченса сейчас читает куда больше народа, чем прежде, так что в этом отношении он уж точно не «битая карта». Редакторы по-прежнему не скупятся на гонорары. У него появилось множество союзников в вашингтонских политических кругах, а также среди тех, кто поддерживает вторжение в Ирак. Но, памятуя о том, что он считает себя постоянно правым – вне зависимости от того, какими бы разными ни были занимаемые им на протяжении жизни позиции, – он выглядит словно факельная процессия из одного факелоносца. Но его это совершенно не беспокоит, пока его позиции совпадают с его старыми принципами. Это другие, говорит он, отступили в реакцию и консерватизм. «Сегодня я уделяю много времени подъему левой реакции. Я его разглядел, и я с ним сражаюсь», – заявляет он.

По Хитченсу, взглядов, которые возможно было пронести нетронутыми сквозь все перипетии 1968, 1989 и 11 сентября 2001, попросту не существует. Но он верит, что правильный образ мышления есть и был всегда.

Однажды он сказал мне по поводу Боснии, что было предсказуемо, каким образом разойдутся взгляды левых. Для моего поколения – поколения Тэтчер – непостижима сама мысль о том, что люди могут занимать позиции, основываясь на матрице априорных аргументов. Он же заметил: «Я знаю, как они расколются. Ричард Готт станет поддерживать Милошевича, Перри Андерсон не будет во все это влезать, а Миша Гленни будет на стороне Боснии».

Если что-то еще и осталось от прежнего Хитченса – представителя радикальных левых, так это стремление довести такого рода размышления до логического завершения и составить карту позиций, возникших после падения Берлинской стены, согласно которой следует передвигаться. Всем. «Хочешь послушать?» Естественно, хочу. И он очерчивает список, следуя которому можно – будучи левым – быть правым относительно серьезных международных проблем, возникших после 1989 года: «Во-первых, следует приветствовать падение Берлинской стены и свержение Чаушеску... Точно так же как годом раньше следовало быть сторонниками вышедшей на площадь Тяньаньмэнь толпы. Это базовая линия». Далее, продолжает он, всем, кто придерживается левых взглядов, надо поддерживать Салмана Рушди, «в открытую выступать против аятоллы». Левым надлежит понять, что весь этот «полуутопический фукуямовский вздор по поводу конца истории» – иллюзия и что эра тоталитарного государства отнюдь не завершилась. А когда Милошевич вторгся в Боснию, а Саддам – в Кувейт, «следовало не просто остановить эти вторжения, но свергнуть предпринявших их людей... Необходимо противостоять тоталитаризму и в особенности его расистской и теократической версиям. И за всем этим стоит неизбежное: шестидесятники должны пересмотреть свои взгляды на

США... У меня нет никакого уважения к тем, кто их не пересмотрел...».

Сам он утрачивал веру постепенно. «Если бы кто-то в 1990-х спросил меня о моих политических ориентирах, я бы ответил, что я социалист и марксист». Потом он начал писать лекции для своих студентов, и в 2001 году они вылились в книгу «Письма юному спорщику». Говоря о тридцати годах, прошедших с катализирующего момента 1968 года, он вынужден признать: социалистического международного движения больше не существует, не существует даже социалистической критики, способной его возродить.

«Так что же вы делаете, чтобы называть себя социалистами? – вопрошает он. – Вы заняты исключительно тем, что изо всех сил стараетесь, чтобы вас не спутали с либералами – а такую позицию я всегда считал малодушием. Притворством. Так что я предпочел удалиться. Я не отказывался иметь с ними дело, я не испытывал к ним никакой злобы, я их не возненавидел, и не было у меня никаких моментов озарения или просветления. Но я увидел: те, кто считал, будто критикует капитализм, превратились в самых настоящих реакционеров. На самом деле они сторонники феодализма или аграрного общества, они сторонники докапиталистических форм общественного устройства. У марксизма, по крайней мере, есть своя теория развития и новаций. И сегодня, пожалуй, единственное, что по-настоящему революционно – это глобальный капитализм. Таков мой марксистский взгляд на него».

Многие из критиков заключили, что таким образом он расписывается в собственном неоконсерватизме. В ответ он сообщил, что не является консерватором ни в каком смысле. Предпочитает, чтобы его называли «ястребом прав человека».

«Должно существовать какое-то определение для людей, которые верят, что мощь США может и должна быть использована для сопротивления тоталитаризму», – говорит он. Когда вера во французскую и русскую революции или в пролетариат утрачена, остается лишь идея Америки как

«единственной оставшейся революции» – и ее дух свободы, возрожденный борьбой за перемены на Ближнем Востоке.

Когда ему не надо спешить на самолет или на заранее запланированную встречу, Хитченс встает поздно – и выглядит при этом не лучшим образом. Он со своими «девочками» (так он называет Кэрол, вторую жену, и их дочь Антонию) предложил мне остановиться у них на эти три дня и расчистил свое расписание, освободив время для наших бесед. Кажется, что он живет моментом, импровизирует на ходу – но это лишь видимость, на самом деле все подчинено строгой внутренней организованности. Статьи пишутся в любое время суток и с невероятной скоростью, на что совершенно не влияет количество выпитого накануне. Мне пришлось взять несколько интервалов – чтобы передохнуть от одних только разговоров, а он за это время умудрился настрочить пару материалов.

Несмотря на то что, кажется – вот он, весь на виду, о самом себе он мало что писал. Самое личное, что он до сих пор опубликовал, – это материал 1988 года в нью-йоркском журнале *Grand Street*, назывался он «Каково это – не знать и половины».

В нем он рассказывает о том, как его брат через много лет после смерти их матери обнаружил, что она была еврейкой. В этой статье Хитченс по большей части рассуждает о том, повлияло ли его происхождение на формирование его взглядов. Скорее всего, заключает он с удовлетворением, практически не повлияло. Он описывает, как взбесился, когда один редактор заявил: мол, то, что он – еврей, значительно облегчает его, Хитченса, положение, так как евреям дозволено критиковать Израиль.

Самое неприятное для него из наследия поколения 1968 года – это когда о политике и прочих серьезных вещах рассуждают, начиная со слова «будучи» – «будучи» гомосексуалистом, шотландцем, матерью-одиночкой, мусульманином и т. п. Однако хотя он и восстает против кип-

лингвского «голоса крови», он с удовольствием говорит об открывшейся ему тайне собственного происхождения, поскольку в ней содержится намек на принадлежность к великой традиции критиков и интеллектуальных аутсайдеров.

Хитченс родился в 1949 году, и первое его воспоминание — о том, как они с матерью плывут на корабле по огромной гавани Валлетты: отец, морской офицер, служил на Мальте. Во время войны мать служила в женской вспомогательной службе военно-морских сил Великобритании, там она и познакомилась с отцом, который увидел в ней женщину, способную своим воспитанием и умением вести себя в обществе компенсировать то, чего сам он был лишен. Хитченс позволяет себе намек на сентиментальность, лишь когда вспоминает о ее красоте, о том, как она забирала его из школы. Отец наверняка при всем этом также присутствовал, добавляет он, «но о нем я ничего не помню. Для меня всем была она».

Самое неприятное для него из наследия поколения 1968 года — это когда о политике и прочих серьезных вещах рассуждают, начиная со слова «будучи»

О своих отношениях с отцом он, напротив, говорит с холодноватой отстраненностью. Сын школьного учителя, командер Хитченс шагал вверх по ступеням военно-морской службы, воевал, в 1950-х ушел в отставку. Новые политические веяния привели к тому, что те военнотруженики, кто не успел повоевать, стали получать большие пенсии, нежели ветераны, и он с несколькими офицерами организовал ассоциацию, чтобы добиться пересмотра закона — безуспешно. Хитченс говорит об отце как о хорошем, ответственном человеке, но «полном классовых предрассудков и обид, с правыми взглядами». Презирал он как тех, кто был ниже его по статусу, так и тех, кто был выше. «Он ненавидел профсоюзы, всех, кто живет на пособие и т. п.

Но с равным презрением он относился и к тем, кому ни дня в жизни не пришлось работать, к тем, кого он называл “обществом изобилия”. Он ненавидел явную несправедливость по отношению к тем, кто прошел через все ужасы войны, чтобы получать нищенскую пенсию. Он считал, что его просто выбросили за ненадобностью».

Детство Кристофера прошло в непрерывных странствиях по портам, в которых служил отец, пока не настало время осесть стипендиатом в подготовительной школе Оксфорда. Юный Хитченс был развит не по годам, он много читал, умел ярко излагать свои мысли, но та Англия, к которой он принадлежал, была страной, оплакивавшей имперские иллюзии и с презрением взиравшей на леваков 1960-х. Он описывает себя как маленького, симпатичного, умненького мальчика, поздно вступившего в период пубертации и научившегося с помощью яростных споров скрывать собственную уязвимость. Воспоминаний о младшем брате Питере — ныне известном правом журналисте — у него почти не сохранилось, единственное, что он помнит, — это то, что Питер ему часто мешал. Их политические взгляды — хотя на какое-то время Питер и сам увлекся троцкизмом — резко расходятся, однако между ними все же присутствует разительное семейное сходство, в том числе и в характерах. Прежняя антипатия сменилась прохладными дружескими отношениями, и их редкие публичные дебаты собирают толпы слушателей (в Мичигане, например, послушать их дискуссию пришли 1200 человек).

Жизнь стала куда интереснее, когда Кристоферу исполнилось тринадцать — экономя на всем, отец отправил его в закрытую частную школу. Первые симпатии к социализму пробудились в нем именно там.

Непоседливый, полный презрения к своим сверстникам, Хитченс примкнул к левому шестидесятическому протесту. В пятнадцать он вступил в партию лейбористов, участвовал в маршах против войны во Вьетнаме, «дрался на кулачках с копами». А потом посерьезнел и начал усиленно готовиться к поступлению в Оксфорд на фа-

культет философии, политики и экономики, он видел в этом стартовую площадку для достижения своей главной цели – стать автором журнала *New Statesman*. И когда он получил письмо, извещавшее, что принят в штат, мать и, что удивительно, отец совершенно расчувствовались. Они всей семьей отправились отпраздновать это событие в ресторан. «Это был последний раз, когда я почувствовал себя счастливым в кругу семьи, – говорит Хитченс и добавляет: – Но также и первый».

Наступил 1973 год. Хитченсу было 24 года, он работал в *New Statesman*. Вдруг позвонил отец и спросил, знает ли он, где находится мама. Она исчезла, исчез и ее паспорт. Кристофер знал, что она пустилась в любовное приключение. Мать до того познакомилась с одним человеком, лишенным сана викарием, который «умел очаровывать», но при этом был «явным третьесортным ничтожеством». Но она сохраняла видимость семьи, прилежно исполняла роль жены, так что ее исчезновение казалось непонятным. Пару дней спустя в *The Times* и по BBC сообщили, что она и ее любовник найдены мертвыми в номере афинской гостиницы.

Отец не нашел в себе мужества отправиться в Афины, и Хитченс поехал хоронить мать в одиночку. Из оставленной ею записки следовало, что это было двойное самоубийство.

В мае 1973 года военная хунта Георгиоса Папандопулоса, шестью годами ранее захватившая власть в стране, подавила попытку переворота. «Сейчас уже почти забыли о том, что в 1967 году армия совершила в Греции фашистский путч, и для большинства из нас это событие стало поворотным моментом конца 1960-х». Для юного Хитченса это был момент политического прозрения: США оказались соучастниками свержения правительства страны, входившей в НАТО, страны, бывшей колыбелью демократии. И страны, ставшей теперь для него символом личной трагедии.

Викарий англиканской церкви в Афинах, не скрывая своего отвращения к самоубийцам, совершил поми-

нальную службу. Потом Хитченс засел за написание «второсортной заметки» о Греции для *New Statesman* – в ней он предсказывал падение хунты. Но чего он не мог предвидеть, так это того, что оказалось последней каплей для свержения хунты, – событий, приведших к разделу Кипра.

После того как турки в 1974 году вторглись на остров, Хитченс писал репортажи о том, как разрешилась эта драма. Это стало и темой для его первой серьезной книги, в результате чего он заслужил от Джеймса Фентона* звание «специалиста по расчленению». Британия не справилась со своими обязанностями по защите острова, западные страны также не пытались противостоять вторжению. Это был урок, который Хитченс запомнил на всю жизнь – отсюда его поддержка войны в Ираке.

Смерть матери означала «конец детства».

«Больше у меня не было семьи. Отец не хотел об этом говорить, брат пошел своим путем. И, к ужасу, я почувствовал нечто вроде облегчения. Больше не будет семейного Рождества, больше не будет семейных “воссоединений”».

И все-таки он отказывается признавать, что смерть матери оказала на него формирующее влияние. Он воспринимает это событие как важное, но в сугубо эмоциональном плане, не имеющее никакого отношения к тому, как развивались его убеждения.

Взросление Хитченса пришлось на то время, когда политика поглощала все прочие интересы. Когда мы говорим о том, что он – дитя 1968 года, это все-таки нечто большее, нежели клише, если помнить о двойном значении этого года – разрушении и высвобождении; царивший тогда дух стал для него средой обитания, совершенно отличной от семейной.

* Джеймс Фентон – британский журналист, поэт, литературный критик.

Для Хитченса 1968 год вряд ли сопрягается с культурными событиями того времени — музыкой, наркотиками, альтернативным стилем жизни, он остался истинным мачо, едва затронутым феминизмом — кроме как в абстрактном политическом виде. «Эксцентричная» организация — «Интернациональные социалисты», или IS, — рекрутировала его в свои ряды в Оксфорде незадолго до поступления в университет.

Тогда я не понимал, что все наши действия — это празднование конца, а не начала: 1968 год был последним всплеском социалистического идеализма

IS, а не сам Оксфорд — как ни удивительно, но в дипломе у Хитченса оценки довольно посредственные — стала его университетами. В те времена в организации царил «стойкий антикоммунизм, даже без троцкистских взглядов на то, что государственный коммунизм есть извращенная версия коммунизма настоящего. Мы твердо верили в то, что образованный рабочий класс может освободить не только себя, но все общество. Мы воевали с расизмом, с религией, среди нас было множество евреев, но никто из них не исповедовал сионизм».

Но разочарование, говорит Хитченс, было вписано в генетический код 1968. Ему было 19 лет, и когда советские танки вошли в Чехословакию, он находился на Кубе: «Кастро выступил тогда со своей очередной длинной, утомительной, лживой речугой в пользу советского вторжения. Именно в этот момент наступил конец коммунизму. Тогда я не понимал, что все наши действия — это празднование конца, а не начала: 1968 год был последним всплеском социалистического идеализма. Пламя догорало, и последним его всполохом стали события 1989 года. Последняя репетиция перед финальным актом государственного социализма, в котором в 1989 году в Венгрии, Чехословакии, Югославии поучаствовали многие из моих друзей по 1968. Таково лукавство истории по Гегелю. Нечто вроде оп-

равдывающего обстоятельства, правда, совсем не того рода, какого мы ожидали».

Так что же остается от троцкизма после того, как из него изъяли иллюзии? Интернационализм? «Определенно, а также роль идей в поступках. Слияние идей и эстетики с интервенционизмом. Да. Именно так. Интернационализм по-прежнему остается для меня главной ценностью».

В последний год учебы в Оксфорде Хитченс встретился с Джеймсом Фентоном, тогда уже многообещающим поэтом. Хитченс рекрутировал его в IS, тот, в свою очередь, познакомил Хитченса с литературным Лондоном. «Он представил меня Рою Фуллеру, и я думал: “Господи, я пью коктейль в компании Роя Фуллера, который знал Одена и Спендера”». К 1973 году Хитченс уже писал о политике в *New Statesman*, а в отделе культуры там сотрудничали Фентон, Мартин Эмис, Джулиан Барнс, Иэн Макьюэн и Клайв Джеймс. Позже к ним присоединился его друг Салман Рушди, и таким образом он оказался в центре самой и по сей день влиятельной литературной группировки Великобритании. И хотя среди той нарождавшейся элиты его голос был наиболее политически значимым, Хитченс, по его собственному определению, «был в этой системе на положении малой планеты, но это меня нисколько не волновало. Я слушал, я внимал».

В 1977 году на Кипре, где он писал свою книгу о разделе острова, он встретился с женщиной, которой суждено было стать его первой женой. Ее зовут Елени Мелеагроу, у них двое детей. К концу 1970-х они стали подумывать о том, чтобы перебраться в Америку.

В 1976 году, перед тем как IS превратилась в Социалистическую рабочую партию, Хитченс покинул организацию, а на фоне возрастающего влияния Тэтчер в рядах левых уже возникли признаки раскола. «Многие на левом фланге пришли к весьма неприятному выводу, что это куда радикальнее — стать тэтчеритом. Я был не из таковых. Но

Том Нейрн* и Перри Андерсон** настаивали на том, что главная проблема Британии – в ее институтах, в сохранившемся с древности режиме и что лейбористы никогда и не собирались его модернизировать. А вот тори – они на это способны. Именно тогда я и решил уехать из страны. Я знал, что левые этого не сделают, но у меня не было желания ради этого присоединяться к правым».

Окончательно убедило Хитченса покинуть Британию предложение от Виктора Наваски из нью-йоркского журнала *The Nation*, у которого были свои связи со *Statesman*. Они с Мелеагроу совершили свадебную церемонию на крыше Всемирного торгового центра, вскоре она забеременела. (Хитченс называет своего старшего сына, двадцатичетырехлетнего Александра, «крутым парнем», он брал его с собой, когда недавно ездил в Ирак.) Поначалу они жили в Нью-Йорке, а в 1982 перебрались в Вашингтон – и Хитченс наконец оказался там, где, как он потом осознал, ему и следовало оказаться.

В 1980-х Хитченс помимо литературной критики писал о растущей напряженности внутри Варшавского договора, о наследии, оставленном интервенцией США в страны Латинской Америки, и – по причине дружбы с покойным Эдвардом Саидом*** – поддерживал Палестину. Все его тогдашние работы наполнены яростными обвинениями в адрес администрации Рейгана, от большинства из них он не намерен отказываться и по сей день. Однако задним числом он признает, что, углубив разрыв с Советским Союзом, рейганизм на деле способствовал антисоветскому левому движению.

В 1982 году он поддержал Британию в войне за Фолклендские острова против аргентинской военной хунты. На этот раз он вступил в конфронтацию практически со всеми британскими левыми и рассорился с Джеймсом Фентоном. «Я бывал в Буэнос-Айресе, – говорит Хитченс, – и имел возможность воочию убедиться в том, что такое режим Галтьери». Он видит в этом один из первых примеров того, как британские левые встали на реакционные позиции. «Послушать их, так хунта продержалась бы еще десять

лет и совершенно разрушила бы фолклендское общество». Он сравнивает тогдашнюю реакцию его друзей-либералов с тем, как двадцать лет спустя они отреагировали на его поддержку Джорджа У. Буша. «На меня тарашились, как на последнего идиота. Нет нетерпимости более острой, нежели нетерпимость либералов, и нет ограниченности более тупой, нежели ограниченность либералов».

В 1989 году, вскоре после того как он встретил Кэрол Блю, его брак распался. Тот же период примечателен и изменением в его манере письма. Мартин Эмис сказал, что 1989 год – конец советского коммунизма, фетва, объявленная против Салмана Рушди, – освободил прозу Хитченса. До некоторой степени с этим согласен и сам Хитченс. «Во времена холодной войны требовалось соблюдать осторожность, чтобы обвинения, выдвигаемые против одной стороны, не могла использовать в свою поддержку противная сторона», – поясняет он. Эмис написал книгу об ужасах сталинизма «Коба Ужасный» (2002 год. – Пер.), во вступлении к которой бросил открытый упрек Хитченсу и всем прочим левым 1968 года: Эмис пишет, что к коммунизму они относились куда мягче, чем к фашизму. Это спровоцировало Хитченса на ответ на страницах *The Guardian*, озаглавленный «Не. Будь. Идиотом». Старый друг изрядно оттузил Эмиса и обвинил его в политической наивности. «Он никогда не интересовался политикой, хотя в последнее время и начал с нею заигрывать». Но верно и то, что в недавнем диспуте Эмиса с Терри Иглтоном по поводу ислама слышатся отголоски влияния Хитченса.

* Том Нейрн – британский исследователь феномена национализма.

** Перри Андерсон – британский историк-марксист.

*** Эдвард Саид – палестино-американский литературовед, критик, политический активист.

1980-е были для Хитченса временем полемики с Рейганом, 1990-е же оказались временем куда более яростной и личной драчки с Биллом Клинтонем.

В книге «Обманывать больше некого» Хитченс обвиняет президента не только в сексуальных домогательствах и изнасилованиях, но и в коррупции, связанной со скандалом Уайтуотер*. Для Хитченса Клинтон – прежде всего олицетворение коррупции личности. (По сути, рассуждая о том, что личностные характеристики важнее политических идеалов, Хитченс обнаруживает свой истинный глубинный консерватизм.) В основе его отвращения к Клинтону лежит злоба на неспособность поколения 1968 года жить в соответствии с собственными обещаниями. «Я не люблю его, потому что он дискредитировал то, что для

После 11 сентября, говорит Хитченс, он испытал радостное возбуждение, к нему вдруг вернулась энергия сродни той, что он чувствовал в 1968 году

меня дорого: союз между антивоенным движением и движением за гражданские права, который сформировал мои политические взгляды, и членом которого он якобы был в 1960-х. Он использовал эти настроения, врал по поводу того, что избегал призыва в армию, что в свое время был активистом движения за права – хотя это вовсе не так, он обесценил эти идеи и то время. Он всего лишь циничный, своекорыстный, амбициозный мерзавец, и меня просто тошнит при мысли о том, что из всех моих “однокашников по 1968 году” именно он и заполучил лучшую из всех должностей».

К концу 1990-х Хитченс смирился с потерей веры в свое поколение и в социализм и начал работать над книгой о Прусте – довольно необычная для него попытка уюда в самосозерцание.

После 11 сентября, говорит Хитченс, он испытал радостное возбуждение, к нему вдруг вернулась энергия сродни той, что он чувствовал в 1968 году – то состояние, которое

его друг Израиль Шахак описал как «ободряющие признаки поляризации». «Как только я увидел эти самолеты, я понял, что случится, – говорит Хитченс. – Я знал, что это апокалипсис от ислама. Это было словно вспышка, осветившая всю сцену, отголосок мышления тех старых левацких деньков. И я уже знал, что скажут все эти товарищи и что я сам скажу».

В течение всех пяти лет дебатов по поводу войны в Ираке через его квартиру прошло множество ключевых игроков этой драмы. Даже пока мы с ним разговаривали, Хитченс умудрился организовать встречу с Куабадом Талабани – сыном иракского президента Джаляля Талабани, и с Шоном Пенном, голливудским антивоенным активистом, чей независимый ум он искренне уважает. Если такие встречи мешают каким-то другим его обязательствам, он эти обязательства отмечает.

Хитченса обвиняли в расизме, самовосхвалениях, в предательстве друзей. Его не так-то легко обидеть, уверяет он, он толстокожий, хотя порой и беспокоится о том, что может стать слишком уж толстокожим. И все же он утверждает, что никогда и не намеревался сражаться со старыми товарищами. А был занят лишь тем, что в союзе с подпольными движениями суннитов, шиитов и курдов пытался свергнуть последнего из монстров сталинизма. «Сотрудничая с революционерами, я чувствовал себя словно в 1960-х. Это было словно воспоминание о моих лучших деньках».

Но в это же время он, как никогда ранее, прибли-

* Скандал с Уайтуотер – президента Клинтона обвиняли в том, что в 1993 году, будучи губернатором штата Арканзас, он применил все свое влияние ради того, чтобы партнер семейства Клинтон по застройке и развитию района Уайтуотер получила большой заем, а также чтобы семейство Клинтон получило большую налоговую скидку. Недавно с Билла и Хиллари Клинтон было наконец-то снято подозрение в уклонении от уплаты налогов.

зился к властям предрержащим. Кевин Келлемс, специальный советник бывшего заместителя министра обороны Пола Вулфовица, в 2002 году организовал их встречу. Хитченс описывает эту встречу «как контакт с представителем противной стороны, который, похоже, хочет перейти на твою сторону». На встрече они поговорили об общей антипатии к Киссинджеру и о том, как США в 1991 году предали восстание иракских шиитов. С тех пор они остаются друзьями.

Молодой Талабани — и это трудно не заметить — придерживается светского, космополитичного взгляда на Ирак, и такой взгляд импонирует Хитченсу, особенно на фоне растущей угрозы суннитско-шиитской гражданской войны. Хитченс утверждает, что у него есть связи в разных иракских группировках, но на самом деле его первый настоящий контакт состоялся в начале 1990-х, когда он «скинулся по Северному Ираку», добывая материал для заказанной National Geographic статьи об использовании Саддамом химического оружия против курдов. И изначально его симпатии — на их стороне.

Аргументы Хитченса в защиту войны 2003 года были основаны не на угрозе оружия массового уничтожения, хотя он до сих пор утверждает, что Саддам представлял собой главную разрушительную силу для всего Ближнего Востока. Он, скорее, говорил об исторической необходимости свергнуть тоталитарное правление. Если обвинять Хитченса в том, что он переметнулся в лагерь противника, то, быть может, следует говорить о том, что он увидел в американской военной силе агента, а не препятствие для подрыва статус-кво, а также о том, что теперь он куда менее критично настроен к американской и вообще западной мощи.

Недавно онлайн-журнал Slate провел среди «либеральных ястребов» опрос: по-прежнему ли они поддерживают вторжение в Ирак пятилетней давности? Не отступил от прежних позиций один лишь Хитченс. В обосновании своей приверженности этой акции он привел список предательств, которые были совершены США по отношению к иракскому народу, — и начал, что примечательно, с 1968 го-

да, с роли, которую сыграло ЦРУ в перевороте, в конечном счете приведшем к власти саддамовское крыло партии «Баас». Хитченс считает, что вторжением 2003 года США исправили ситуацию и расплатились за «предательства».

Хитченс не настаивает, что все идет по плану. Но задается вопросом: а как постсаддамовский Ирак выглядел бы, не будь оккупации? «Ирак находился целиком во власти садиста и фашиста, который мучил собственный народ, растрачивал богатства страны, готов был передать власть своим неправдоподобно отвратительным сынкам, которые, сражаясь за власть, наверняка бы развязали братоубийственную резню. Вместо этого мы имеем в качестве президента страны курдского социалиста, человека достаточно ироничного, и вы хотите, чтобы я за это извинялся? Черта с два».

Моя последняя встреча с Хитченсом состоялась во время долгого ланча в компании Айан Хирши Али, к которой он искренне привязан — он видит в Хирши Али отступницу от мусульманства и воительницу нового просветительно-рационалистического фронта борьбы с верой. Погода в Вашингтоне стоит великолепная, как и царящая за столом атмосфера: они явно наслаждаются компанией друг друга. С Хирши Али Хитченс связывает не только атеизм: их противники — не только мусульмане, но и все западные либералы.

Иэн Бурума и Тимоти Гартон Эш, серьезные либеральные авторы, подвергли Хирши Али резкой критике за то, что она заняла по отношению к исламу слишком уж конфронтационную позицию. Гартон Эш использовал при этом аналогию с борьбой против коммунизма. Чтобы победить застарелый идеологический монолит, говорит он, не следовало опираться исключительно на консерваторов. Напротив, чтобы выработать антитела, необходимо было найти союзников среди тех, кто в определенной степени разделял те убеждения — среди леваков и экс-коммунистов. Следуя этой аргументации, исламистской идеологии должны

противостоять скорее не атеисты, а верующие мусульмане. Для Хитченса это означает, что Гартон Эш скорее вступит в союз с «умеренными», с чьими взглядами он не может согласиться, чем с женщиной, чей антиклерикализм близок его собственному атеизму.

Как считает Хитченс, примером трагедии, основой которой стало благосклонное отношение к исламу, может служить Палестина. «Их борьба была скомпрометирована и обесценена, — утверждает он. — Я по-прежнему поддерживаю палестинцев, но все, что они смогли дать — демократов и бойко пишущих журналистов, а также членов парламента Бахрейна, ратующих за права женщин. И не более того. Они отдали себя на откуп ХАМАС, и Сирии, и “Хезболла”, они идентифицируют себя с самыми прогнившими диктатурами этого региона».

«Годится все, что работает, все, что доказывает свое право на существование»

Придумав определение «фашизм с исламским лицом», Хитченс завершил цепь, которая связывает воедино его выступления против фашизма, коммунизма и религии. Он противится любому призыву, исходящему из либерального центра. «Меня никогда не впечатляла эта центристская чепуха по поводу “искусства компромисса”, — заявляет он. — Зачем вообще тогда заниматься политикой? К чему беспокоиться, если ты не можешь раздвинуть рамки искусства компромисса, сломать пределы достижимого, перестроить, расширить их? Кто хочет быть всего лишь менеджером?»

Один из возможных ответов на этот вопрос: те люди, которые действительно хотят улучшить жизнь угнетенных — но такой подход Хитченс презрительно называет «христианской благотворительностью».

Он уверяет, что больше не верит в перераспределение — здесь он правее тех правых, которые отстаивают европейский свободный рынок, — но при этом защищает

«шведскую формулу», согласно которой по детям невозможно судить о богатстве и статусе их родителей. Он считает, что разница в доходах в Америке просто непристойна, но не потому, что людям необходимо равенство, а потому, что «солидарность подпитывается личной заинтересованностью». Он ненавидит политику «закона и порядка», но одобряет введенную Руди Джулиани в Нью-Йорке систему регистрации преступников. По поводу миграции у него своего мнения нет, «потому что я недостаточно хорошо знаю этот вопрос». Но Хитченс — полемист, а не политический философ или эксперт-аналитик.

Возможно, тому виной опустошенная наконец-то бутылка виски, но он вдруг соскакивает с темы левого сектантства и, минуя излюбленный период протестантской революции, ныряет еще дальше в глубь веков — к религиозным группировкам в Палестине двухтысячелетней давности и к «регрессивному влиянию христианства».

«Мы пожинаем плоды того, что они тогда натворили, — вещает он. — Римлянам следовало бы провести тогда более тщательную зачистку, эллинизировать евреев. Тогда нам не пришлось бы иметь дело с фундаменталистским христианством и его плагиатом в виде ислама. Возможно, появилось бы еще какое-то варварское дерьмо. Но мы бы не утратили связи с Афинами».

Понятие об истории как о последнем аргументе, доказывающем или опровергающем чью-либо правоту, — это своего рода декларация веры. Приняв эту декларацию, хаос человеческого бытия поглощает и идеалистов, и моралистов, и революционеров. Но Хитченс по самому складу характера не способен отказаться от того, в чем он «на сто процентов уверен», и превратиться в либерального реалиста. Разломы и противоречия в его карьере полемиста лишь укрепили его философию абсолюта. Имперское прошлое Британии подернуто пеплом, но его политическая ярость — это типично английское, вырывающееся из под пепла пламя.

Перевод Натальи Рудницкой